

- ³⁰ *Домосилецкая М.В.* Албанско-восточнороманский...
- ³¹ *Златановић М.* Речник говора југа Србије...
- ³² *Речник српскога језика.* Нови Сад, 2011. С. 916.
- ³³ *Геров Н.* Речник на българския език. Т. 4. София, 1978. С. 37.
- ³⁴ *Седакова И.А.* Система цветообозначений в болгарском языке // Наименование цвета в индоевропейских языках / отв. ред. А.П. Василевич. Изд. 2-е. М., 2011. С. 185–197.
- ³⁵ *Златановић М.* Речник говора југа Србије...
- ³⁶ *Домосилецкая М.В.* Албанско-восточнороманский...
- ³⁷ *Петреска В.* Свадбата како обред на премин кај македонците од брџачката етнографска целина. Скопје, 2002. С. 281.
- ³⁸ *Маринов Д.* Етнографическо (фолклорно) изучаване на Западна България. София, 1984. С. 592.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.14

Система шипящих в костромских и пошехонских говорах начала XVII в.

Владимир Юрьевич Шатин, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: vl.shatin@gmail.com

Ключевые слова: история русского языка, костромские диалекты, пошехонские диалекты, русская диалектология

Hushing consonants in Kostroma and Poshekhonye dialects in the beginning of the seventeenth century

Vladimir Yu. Shatin, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: vl.shatin@gmail.com

Keywords: history of the Russian language, Kostroma dialects, Poshekhonye dialects, Russian dialectology

Задача проведенного исследования состояла в определении состава шипящих фонем в костромских и пошехонских говорах начала XVII в. посредством изучения памятников деловой письменности и верификации полученных результатов

данными современной диалектологии. Рассмотрение данного вопроса можно разделить на две взаимосвязанные части: судьба фонем <ш> и <ж>, а также судьба долгих (сложных) шипящих.

Материалом исследования послужили Костромская отказная книга (далее — **Костр.**) 1619–1634 гг.¹ и Пошехонская отказная книга (далее — **Пош.**) 1615–1650, 1653 гг.²

Сразу оговоримся, что при трактовке примеров мы придерживаемся точки зрения С.И. Коткова: написания **шю**, **шя**, **жю** и **жя** отражают реликтовую мягкость, написания **шы** и **жы** свидетельствуют о твердой реализации рассматриваемых фонем³.

Обратимся к примерам, обнаруженным в **Костр.**

Единственное написание, свидетельствующее о твердости <ж>: *приложы^л* 213.

Написания, свидетельствующие о мягкости <ж>: *жюко^в* nom.sg. 138; *жюкѡ* nom.sg. 144об. и др.

Написания, отражающие твердость <ш>: *кашыны^х* gen.pl. 75об.; *пущошы* gen.sg. 344 и др.

Встретились в **Костр.** и примеры, свидетельствующие о мягкости <ш>: *шювалова* gen.sg. 723; *шыче* dat.sg. (гидроним) 452об. и др.

По данным Диалектологического атласа русского языка (далее — **ДАРЯ**)⁴, в районе Костромы мягкие реализации рассматриваемых шипящих сейчас представлены шестью островами: севернее Костромы, западнее, юго-западнее и южнее Галича, двумя рядом с Солигаличем. Число примеров редко превышает десять, мягкие шипящие представлены преимущественно перед парными мягкими согласными и [j] или перед гласными переднего ряда.

Таким образом, отверждение шипящих в костромских говорах начала XVII в. либо было крайне непоследовательным, либо же только начиналось, но в случае с <ш> проходило активнее и последовательнее, чем в случае с <ж>.

Обратимся к примерам из **Пош.**

Написания, свидетельствующие о твердости <ж>: *приложь*^л 130, 130об.; *ржы* gen.sg. 85.

Единственное написание, отражающее реликтовую мягкость <ж>: *промежю* 41.

Написания, отражающие твердость <ш>: *починокъ демешиха* 420; *пустошы* gen.sg. 418об. и др.

Пример, свидетельствующий о реликтовой мягкости <ш>, встретился в **Пош.** лишь один: *с щюриномъ* 99. Чистым его назвать нельзя, поскольку на выбор писцом буквы гласного могла повлиять замена **ш** на **щ** и выучка.

В настоящее время в районе Пошехонья мягкие и полумягкие реализации <ш> и <ж>, по данным **ДАРЯ**⁵, представлены тремя островами: самый компактный из них (преимущественно перед гласными переднего ряда) расположен к юго-востоку от города; второй по величине (преимущественно перед парными мягкими согласными и [j]) лежит к востоку от Пошехонья; третий же (самый крупный, независимо от позиции, порой более 10 примеров) растянулся по направлению к Вологде.

Можно сделать вывод, что отверждение <ш> и <ж> в пошехонских говорах начала XVII в. было более последовательным, чем в синхронных костромских.

Перейдем к долгим (сложным) шипящим, реализации которых являются результатами изменения сочетаний [ш'т'ш'] и [ж'д'ж'], упрощавшихся до [ш'ш'] и [ж'ж'] с тенденцией к превращению в [шш] и [жж]. Вышеописанное развитие является наиболее распространенным, два побочных пути таковы: в исходном сочетании мог утрачиваться конечный элемент ([ш'т'] и [ж'д']; вологодские говоры); исходные сочетания отвердевали ([шч] и [ждж]; олонекские и вологодские говоры)⁶.

Число замен **ш** на **щ** в **Костр.** достаточно велико (здесь и далее речь идет лишь о примерах в почерках с последовательным различием **ш** и **щ**): *пучтоща*^х loc.pl. 125об.; *цестъ* nom.sg. 397 и др.

Имеются в **Костр.** и обратные замены **щ** на **ш**: *заими^ш* gen.pl. 349; *про^звише* nom.sg. 831 и др.

Смешение букв **ш** и **щ** очевидно. Глухой коррелят в рассматриваемых говорах был именно долгим (по длительности, вероятно, приближаясь к <ш>).

Написаний, свидетельствующих о мягкости рассматриваемого согласного, в **Костр.** обнаружено не было, но к ним условно можно отнести случаи смешения **ш** и **щ**, ведь рефлекс <ш> должны были до какой-то степени сохранять мягкость.

Написания, свидетельствующие о твердости рассматриваемого согласного: *нищы^х* gen.pl. 135; *помъщыко^в* nom.sg. 323об. и др.

Перейдем к звонкому корреляту. В **Костр.** нам встретились лишь примеры, свидетельствующие о его долготе.

Написания с **ж**: *порожи^х* gen.pl. 708об.; *приъжа^л* 655 и др.

Написания с **жж**: *дое^жжа^л* 719об. и др.

Примеров, которые могли бы свидетельствовать о сложности, твердости либо мягкости рассматриваемого согласного, в **Костр.** обнаружено не было, но и в данном случае не следует забывать о наличии мягких реализаций <ж>.

Картина рефлексов глухого коррелята в окрестностях Костромы оказывается, по данным **ДАРЯ**⁷, чрезвычайно пестрой. Основные тенденции таковы: к северо-востоку растет число ареалов с реализацией [шш], на юге в ряде разрозненных островков с ней сосуществует реализация [ш'ш'].

О качестве долгого звонкого шипящего согласного в окрестностях Костромы⁸ можно сказать следующее: картина схожа с описанной выше для глухого коррелята. Преобладает реализация [жж], вкрапления [ж'ж'] незначительны.

Таким образом, в костромских говорах начала XVII в. оба коррелята были определено долгими. Раннее отвердение глухого могло быть спровоцировано ранним началом

отвердения реализаций фонемы <ш>. Долгий звонкий шипящий в XVII в. был, в свою очередь, близок мягким реализациям фонемы <ж>, однако впоследствии подвергся отвердению.

Обратимся к примерам из **Пош.** Замены **ш** на **щ** многочисленны и здесь: *пустощей* gen.pl. 239; *щеть* nom.sg. 139 и др.

Имеются в **Пош.** и обратные замены **щ** на **ш**: *откаши^к* nom.sg. 172; *свяше^нству* dat.sg. 52об. и др.

Смешение букв **ш** и **щ** несомненно и в данном случае. Таким образом, в начале XVII в. глухой коррелят не был сложным и мог по длительности приближаться к <ш> и в пошехонских говорах.

В **Пош.** встретились три написания, которые могли бы свидетельствовать о мягкости рассматриваемого согласного: *городищя* gen.sg. 391; *горо^дищя* gen.sg. 390; *живущюю* ass. sg. 172.

Имеются также и несколько примеров, свидетельствующих о его твердости: *помъщыко^б* nom.sg. 417об., 418об. и *помъщыцы^н* nom.sg. 299об. Не следует забывать и о предполагаемом более последовательном отвердении <ш> в пошехонских говорах начала XVII в.

Перейдем к звонкому корреляту. В **Пош.** встретились следующие примеры.

Написания с **ж**: *выжена* nom.sg. 12; *приежа^л* 212 и др.

Отдельно приведем пример, где на месте бифонемного сочетания, реализуемого комплексом [жж], обнаруживаем букву **ж**: *бежер^бя* так в рукописи «без жеребья» 223об. Он явно свидетельствует о долгом, а не сложном характере рассматриваемого звука.

Написания с **жж**: *прие^{жс}жа^л* 38 и др.

В **Пош.** был также обнаружен один пример, свидетельствующий о наличии в пошехонских говорах начала XVII в. сложных реализаций рассматриваемой фонемы: *прие^{жс}даль*

141. Отражает он также и мягкость хотя бы отдельных реализаций данного согласного. Примеров, отражающих его твердость, обнаружено не было, но следует иметь в виду и уже упоминавшееся отверждение реализаций <ж> в пошехонских говорах.

По данным ДАРЯ⁹, в окрестностях Пошехонья реализация [ш'ш'] сосуществует с [шш] практически на всей территории (в меньшей степени на севере). Отдельными раздробленными ареалами представлены и сложные мягкие реализации.

Что касается качества долгого звонкого шипящего согласного¹⁰, в северной части исследуемой территории преобладает реализация [жж], в то время как на юге [ж'ж'] всегда сосуществует с [жж]. В центре имеются также два ареала с реализацией [ж'д'ж'] (у Пошехонья и несколько восточнее). К юго-востоку от Пошехонья расположен также небольшой ареал, где представлена реализация [ж'д'].

В пошехонских говорах начала XVII в. глухой коррелят был определенно долгим и, по всей видимости, уже начинал утрачивать мягкость. Звонкий коррелят лучше сохранял сложные реализации и мягкость.

Таким образом, в костромских говорах XVII в. отверждение кратких шипящих шло медленнее, чем в пошехонских, а начавшееся отверждение <ш> спровоцировало отверждение долгого глухого шипящего, в то время как долгий звонкий шипящий, как и реализации фонемы <ж>, сохранял исконную мягкость.

В пошехонских говорах краткие шипящие утратили мягкость раньше, что, вероятно, привело к их расхождению с долгим глухим и долгим (окказионально также сложным) звонким шипящими. Глухой коррелят активнее подвергался влиянию отвердевшего краткого <ш> и раньше начал утрачивать мягкость. Звонкий коррелят стал отличаться от краткого <ж> и по способу образования (окказиональное сохранение смычного элемента), и по мягкости.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Оп. 2. № 11086. Исследованы лл. 1–948об.
- ² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. № 12540. Исследованы лл. 1–438об.
- ³ *Котков С.И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии: фонетика и морфология. М., 1963. С. 105–107.
- ⁴ Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика. / под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. М., 1986. Карта 63.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949. С. 126–127.
- ⁷ Диалектологический атлас русского языка. Карта 48.
- ⁸ Диалектологический атлас русского языка. Карта 52.
- ⁹ Диалектологический атлас русского языка. Карта 48.
- ¹⁰ Диалектологический атлас русского языка. Карта 52.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.15

Взгляд сквозь столетие: о чем скажет одежда

Якимова Агата Павловна, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: porfironos@yandex.ru

Ключевые слова: одежда, народный костюм, этнолингвистика, коммуникация, фотография, Болгария, болгарский язык

A look through a century: what clothes will tell you

Agatha P. Yakimova, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: porfironos@yandex.ru

Keywords: clothing, folk costume, ethnolinguistics, communication, photography, Bulgaria, Bulgarian language

Настоящая статья посвящена одежде как семиотической системе, в центре внимания — болгарский традиционный